

6. Mansurova I. S. *Setevye soobshchestva kak osobaya forma kommunikatsii: sovremennoe sostoyanie problemy* [Network community as a special form of communication: state of the art], Moscow, Akademiya Publ., 2011, pp. 112.

7. Morozova T. I. *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokulturnom prostranstve regiona* [Regulation of self-organization of youth in the socio-cultural environment of the region], Belgorod, Belgorod Publ. House, 2013. 42 p.

8. Omelchenko Ye. *Molodezhnyy aktivizm v Rossii i globalnye transformatsii ego smysla* [Youth Activism in Russia and global transformation of its meaning]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 2009, vol. 3., no. 1, pp. 62–68.

9. Ostrovskiy A. M. *Optimizatsiya sotsialnogo upravleniya cheloveko-kompyuternymi sistemami v tekhnicheskoy vuzе* [Optimization of social management of human-computer systems in a technical college], Belgorod, Belaudit Publ., 2003. 208 p.

10. Rupasov N. Yu. *Internet-tekhnologii kak sotsialnyy mekhanizm vzaimodeystviya subektov obrazovaniya v razvitiy regionalnogo universiteta* [Internet technology as a social mechanism of interaction of the subjects of education in the development of regional university], Ekaterinburg, Ural State University Publ. House, 2004. 152 p.

11. *GENIND: The Indignant Generation. Space, power and culture of youth movements of 2011 (2012–2015)*. Available at: <http://lageneracionindignada.blogspot.com.es>.

ФРОНТИР КАК КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА¹

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shuilong@mail.ru

В статье анализируются основные подходы к изучению фронтирной теории. На различных примерах автор показывает все многообразие фронта как особой культурной модели. Особое внимание в статье уделено анализу фронтирной модели, разработанной сибирским ученым к.ф.н. И.П. Басалаевой. Показаны сложности дефиниции фронта через призму выделения ряда признаков, которые могут быть правильными для ряда фронтирных типов, и никак не коррелироваться с другими историческими фронтами. В своей аргументации автор опирается в основном на американский фронт, как некий эталонный, так как именно история американского фронта легла в основу фронтирной теории. В качестве альтернативных критериев автор предлагает ряд своих фронтирных маркеров, которые могли бы лечь в основу для типологизации фронта. Основными критериями для фронта, по мнению автора данной статьи, является его гетеротопия, являющаяся результатом встречи с новым природным и культурными ландшафтами, что неизменно приводит к трансгрессии всех субъектов фронтирных отношений и формированию новых культурных явлений.

Ключевые слова: фронт, фронта, граница, теория, критерии, типологизация, культурная парадигма, культурная модель

FRONTIER AS A CULTURAL PARADIGM

Yakushenkov Sergey N., D.Sc. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: shuilong@mail.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта»/

The article analyzes the main approaches to the study of Frontier Theory. In various examples, the author shows the diversity of frontiers as a special cultural model. A special attention is paid to the analysis of frontier model developed by a Siberian scientist I. P. Basalaeva. It has been shown the complexity of the definition of the frontier through the prism of the allocation of a number of markers that may be correct for a number of frontier types, and are not correlated with other historical frontiers. In his argument, the author relies mainly on the American frontier, as a reference, as it is the history of the American frontier that formed the basis Frontier Theory. As an alternative criteria, the author offers a number of new frontier markers, which could form the basis for the typology of the frontier. The main criteria for the frontier, according to the author of this article, is its heterotopia, which is the result of a meeting with new natural and cultural landscapes, what invariably leads to the transgression of all actors of frontier relations and a formation of new cultural phenomena.

Keywords: Frontier, Frontera, borderline, theory, criteria, typology, cultural paradigm, cultural model

Развитие фронтальной теории в XXI в. позволяет по-новому взглянуть на историю нашей страны. Однако было бы неверно сводить роль фронтальной теории лишь к анализу исторических процессов. Не менее продуктивной фронтальная теория является и в отношении понимания многих вопросов культуры, экономики и политики этих территорий, попадающих под определение «фронта».

Помимо прочего, фронтальная теория, в ее варианте, «доработанном» американскими учеными, сторонниками школы «мифа и символа», позволяет нам взглянуть на идеологическую подоплеку, выявить в ней ряд базисных архетипов, выполняющих культурообразующую роль не только в американской истории, но и истории многих стран мира.

Глобальность этой теории до сих пор еще не оценена в полной мере, а споры по многим сторонам этой проблемы ведутся до сих пор. Еще не в полной мере очерчены «границы» фронта как особого онтологического феномена. Как справедливо замечает сибирская исследовательница фронта И.П. Басалаева, «Само понятие «фронт» недостаточно концептуализировано: в большинстве имеющихся работ оно как нечто самоочевидное вообще не определяется, либо определяется не вполне понятийно; имеющиеся «типологии» фронта выполнены с превышением меры метафоричности и вне единого основания. Внутринаучная полемика по теоретическим аспектам концепции бедна. Все это существенно препятствует пониманию фронта как внутренне целостного социального процесса, зафиксированного в исторической событийности и детерминированного особенностями пространства разворачивания социального действия» [1].

Хотя мы и признаем некоторую справедливость утверждения вышеназванного автора в определенной «бедности» полемики относительно фронта, однако, вряд ли можно говорить об отсутствии такой полемики. Ведь определение «бедности» потребовало бы от нас каких-то нормативных показателей бедности/активности этой полемики. Вполне очевидно, что фронтальная теория не является доминирующей в американских гуманитарных исследованиях, она скорее похожа на разогнавшийся локомотив, который и остановиться не может сразу, но и ускорить движение у него уже нет возможности. Время от времени фронтальная теория получает дополнительный стимул, и начинает новый веток ускорения, пока стимул не исчерпывает себя, как это было в случае с уже упомянутой школой «мифа и символа» или «новым историзмом», которые начинают подпитывать фронтальные исследования с 50–60-х гг. XX в. Закономерно, что это сдвиг к новой научной парадигме в изучении фронта сделали не историки, в среде которых в это период было сильно влияние марксизма, а литераторы, которые хорошо представляли себе развитие фронтального жанра в американской литературе. Такие ученые как Генри Нэш Смит [26] и Ричард Слоткин [23, 24], осознав роль фронтальных символов в американской литературе, убедительно продемонстрировали роль этих символов в американской культуре в целом. По сути, они подтвердили тернеровский тезис о роли фронта в американской истории, но уже теперь на более широком материале.

Однако их подход существенным образом отличался от тернеровского видения фронта, замкнутого, главным образом, на исторических процессах на фронтальных территориях. Этих авторов интересовала в большей степени идеология, чем история. Если с точки зрения истории, американский фронт прекратил свое существование еще на рубеже XIX–XX в., то с точки зрения идеологии, фронт не только не утратил своего значения в XX в., но и благополучно «дожил» до XXI в., реализуясь во многих сторонах американской жизни. Более того, как идеология фронт вышел за рамки нашей реальности, начав продуцировать новую реальность, будь то передовые научные направления, или «спекулятивные» вымышленные миры, в которых герои действуют, борются, умирают или побеждают на манер героев Дикого Запада. Всевозможные герои с планеты Земля отправляются для завоевания далеких миров, и там разворачивается самый настоящий фронт, где им приходится сталкиваться с неизвестным. Им противостоят различные монстры, чудовища, чей вид мало напоминает человеческий, а их повадки в большей степени позволяют отнести их к разряду животных, чем человеческих существ. Однако, эти монстры способны думать, обладают особой хитростью и живучестью, и даже новейшее человеческое оружие не дает земным первооткрывателям никакой надежды на победу.

Однако, фронт нередко предстает нам и в ином варианте, когда инопланетные существа вторгаются на нашу землю, желая уничтожить человечество или поработить его, а наши земли забрать себе. Будучи своеобразной фронтальной инверсией, некой новейшей формой «постколониальной» фантастики, подобные произведения трактуют фронтальную историю по-своему, однако, в них мало отличий от основных фронтальных архетипов, построенных на противостоянии Своих и Чужих.

И здесь мы сталкиваемся с очень серьезной дилеммой: являются ли все эти современные культурные модели результатом влияния фронтальных символов и паттернов, как это полагал Р. Слоткин, или сам фронт, как особая историческая и социокультурная модель, есть результат уже существующих метафронтальных символов и моделей существования.

Американский антрополог Клиффорд Гирц, один из основоположников символической антропологии, полагал, что культурное понятие «обозначает исторически передаваемый паттерн значений, воплощенных в символах, систему наследуемых представлений, выраженных в символических формах, посредством которых человек общается, продолжает, и развивает свои знания о жизни и отношении к ней» [11, с. 89]. На подобном подходе к культуре настаивал и С. Гринблатт, основоположник «нового историзма», следовавший за К. Гирцем в его понимании культуры [13, с. 3]. Подходы, разработанные К. Гирцем, В. Тернером и М. Дуглас, позволяют нам не делать выбора в обозначенной выше дилемме. Фронтальные паттерны и символы в современном дискурсе, вне всякого сомнения, являются продолжением фронтальной идеологии, но и сам фронт – есть всего лишь воплощение ранее существовавших метафронтальных парадигм. Вряд ли можно обнаружить во фронте нечто, чтобы не нашло отражение во всевозможных символах и мифах, существовавших до «фронтальной» фазы в истории человечества.

По многим показателям древнеримский фронт будет незначительным образом отличаться от подобных явлений в истории США, России или каких-то африканских регионов. Это не исключает того, что сравнение этих различных видов или типов фронта позволит нам выявить множество различий, однако их сходство, вне всякого сомнения, позволит объединить их все одним универсальным концептом – фронт. А это означает лишь одно: фронт – есть проявление ранее существовавших универсалий, которые в конечном итоге и «оформляют» это культурно-историческое явление. Именно поэтому очень многие историки еще столетие назад кинулись «искать» свои фронты во множестве самых различных стран. Ну а сам концепт фронта был затем легко перенесен из области истории в область общенаучной терминологии.

логии, став термином, обозначающим передовые и пограничные направления самых различных естественных дисциплин: химии, физики, биологии и т.д.

Все это делает фронтир несколько аморфным явлением, которое сложно как-то подвергнуть четкой дефиниции. Даже в рамках американского фронта можно было бы выделить несколько типов фронтиров, этапов или фаз, которые будут отличаться друг от друга. Вместе с тем, это не означает, что не следует пытаться выделить фронтирные маркеры, которые помогли бы не только вычленять фронтир из множества различных исторических типов освоения новых пространств, но и помогли бы отличать один тип фронта от другого.

Уже упомянутая специалист по фронтису сибирский философ И.П. Басалаева предприняла интересную попытку вычленить основные, с ее точки зрения, критерии для типологизации фронта. По ее мнению, основными фронтирными маркерами являются следующие: 1) этнокультурная неоднородность групп; 2) неравная численность фронтлирующих групп; 3) амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтлирующих групп; 4) изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтлирующей группе; 5) дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтирных групп; 6) маргинальное («окраинное») геополитическое расположение фронтирной территории; 7) отсутствие четких границ – как государственных, так и внутренних; 8) квазиграничность (наличие «естественных пограничных рубежей», зонированных пространство фронта); 9) центрирование фронтирной зоны очагами «городской жизни»; 10) де-факто колониальный статус территории; 11) отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики; 12) номинальный характер государственной власти; 13) отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры; 14) компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент; 15) «административное бесправие» и произвол; 16) более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения [1].

Поставленный на первое место критерий этнической неоднородности как бы задает тон в фронтирной дефиниции. Но означает ли это то, что фронтир – это, прежде всего, этническая неоднородность? Вполне вероятно, и это справедливо для сибирского и американского фронта, что существовали большие пространства незаселенной или слабоосвоенной земли, в которых иноэтнический аспект не играл какой-то существенной роли. Вместе с тем, даже один из фронтирных акторов может быть представлен самыми различными этносами. В освоении Дикого Запада принимали участие самые различные народы: англичане, немцы, шведы, ирландцы, русские и многие другие народы.

Если **2-ой пункт** этих критериев не требует обсуждений, так как фронтир – или подвижная граница – явление меняющееся, поэтому численность всех фронтирных акторов, а также их состав, находятся в постоянных изменениях.

Конфликтность фронтирных акторов, к сожалению, также не может быть взята за основу, так как сама по себе конфликтность некоторых контактных этнических групп – явление никак не связанное с фронтисом. К моменту продвижения испанцев, французов, англичан и прочих на индейские территории многие индейские племена находились в состоянии постоянных межплеменных конфликтов. Причем не всегда близкородственные народы образовывали союзы против неродственных. Создание подобных союзов проходило совсем по другому принципу. Значит ли это то, что согласно этим принципам огромные территории Северной Америки уже автоматически являлись фронтирной зоной еще до появления там европейцев? Конечно, нет. Помимо прочего хотелось бы добавить, что военная экспансия не всегда была способом закрепления новых территорий за вновь прибывшими. Достаточно вспомнить приобретение голландцами огромной территории, ставшей затем частью г. Нью-Йорк, с помощью нехитрой торговой операции.

Не ставя под сомнение критерий гендерной диспропорции фронтальных территорий, заметим лишь, что вопрос этот требует дополнительной проработки и конкретики. Если брать ранние английские колонии на Атлантическом побережье, то там гендерная ситуация была самой различной. В отдельных колониях действительно наблюдалась диспропорция, в других ситуация была более менее равной.

В середине XIX в. в колонизации Дикого Запада принимало участие множество белых женщин, роль которых в освоении фронтальных земель хорошо описана. Кроме этого, американское правительство проводило специальную политику по привлечению женщин на Дикий Запад и на тихоокеанское побережье [5]. Но это не отменяет роли межэтнических браков в формировании новых метисных и культурных групп на фронтальной территории. И вне сомнения все это приводит к ассимиляции и аккультурации некоторых фронтальных этносов.

Следующая фронтальная категория, обозначенная через маргинальность («окраинность», «украинность»), не требует каких-либо комментариев, так как практически все исторические варианты фронтальных территорий являлись такими окраинами. Европейские марки, границы – все эти средневековые термины предполагали удаленность, окраинность подобных территорий [3, с. 200], недаром римляне делили эти земли на ряд окраинных лимесов (лат. *Limes* – предел, граница), входивших в состав Римской империи: Верхнегерманско-ретийский лимес, Веттерауский лимес, Неккар-Оденвальдский лимес, Нижнегерманский лимес, Альбский лимес, Лаутертальский лимес, Дунай-Иллер-Рейнский лимес, Вал Адриана, Вал Антонина, Траяновы валы, Арабский лимес, Триполитанский лимес и т. д.

Правда, признавая маргинальность, или точнее лиминальность за фронтиром, мы должны сознавать, что эта маргинальность, периферийность могут оказаться лишь условным и весьма субъективным конструктом. Ведь недаром существует такое понятие, как внутренний фронт. В данной форме фронтальная территория оказывается отнюдь не на периферии, а зажатой со всех сторон различными этническими или национальными фронтальными акторами. В силу исторического развития во второй половине XIX в. более отдаленные территории в США, расположенные на тихоокеанском побережье, оказались лучше развиты по сравнению с Великими равнинами или юго-западными территориями США.

Вопрос о фронтальных границах также остается открытым. Да, действительно, «отсутствие четких границ – как государственных, так и внутренних» и квазиграничность характерны для фронтальных территорий, но отнюдь не характеризуют фронт как таковой. Понятие фронта не предполагает наличие четкой границы, но и не отвергает ее. Использование естественных границы в качестве институциональной границы давняя история и в отношениях национальных государств. Нередко границы и проходят по естественным географическим рубежам.

Центрирование фронтальной зоны очагами «городской жизни», а точнее роль городов в освоении фронтальных территорий хорошо описана в российской и зарубежной литературе. Однако, вряд ли этот вопрос можно считать закрытым, так как повышенную роль порой играли не сами города, а военизированные форты, призванные контролировать местные племена. Уже упомянутый американский исследователь А. Рибер в своей статье, посвященной проблемам фронта, подробно останавливается проблеме соотношения границы и фронта, так и приводит в качестве одного из кейсов, вопрос с историей Ирана. По его мнению, в истории Ирана большую роль играли не территории с оседлым образом жизни, а периферии, населенные кочевниками [3, с. 207]. Ярчайший пример подобной ситуации – биография типичного фронтальца Надиршаха. Родившись в далекой периферии персидского государства (на территории современной Туркмении), молодой человек, промышлявший в юности грабежами, стал правителем огромного персидского государства, основав свою династию.

Эти же факты, как впрочем, и из других территорий Азии, опровергают тезис о наличии де-факто колониального статуса территории (пункт 10). Северо-восточные и северо-западные территории персидского государства были населены тюркскими племенами, которые, как уже говорилось, играли значительную роль в политической жизни страны. Тюркское племя афшар, родом из которого был Надиршах, переселили на территорию современной Туркмении из Азербайджана, для несения пограничной службы, т.е. защиты государства от кочевых узбеков, нападавших на эту территорию.

Следующий пункт в перечислении фронтальных критериев требует дополнительных уточнений со стороны автора. В нем смущает вопрос о «теоретически осмысленной целенаправленной региональной политике». Учитывая тот факт, что теоретическое осмысление региональной политики – это, скорее, удел более поздних периодов, когда появляется теория регионального управления. Вряд ли можно требовать теоретического осмысления управления фронтальными территориями, например, в римскую эпоху. Вместе с тем, это не означает, что фронт – это повсеместно стихийное явление. Во многих местах фронтальная политика определялась очень конкретными законами, призванными нивелировать стихийные процессы на фронте. Подобная ситуация существовала в отношении фронтальных территорий в разные периоды в китайской империи. Сначала англичане, а потом и американцы также пытались контролировать процессы, происходящие на фронте. Было ли это достаточно теоретически осмыслено, спорный вопрос, но то, что происходящее подвергалось рефлексии, – вне сомнения.

12, 13 и 15 пункты также относятся к системе администрирования фронтальными территориями. Конечно, центральная власть плохо контролировала происходящее на фронте, очень часто запаздывала в своих действиях, позволяя наличие анархии, произвола и стихийности в действиях местного населения. Но следует ли все это отнести к слабости администрирования, или к такому поведенческому процессу, как трансгрессия? Оставляем этот вопрос открытым, так как слабость администрирования со стороны центральных властей сказывается в различных периферийных территориях, не являющихся фронтом.

Компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент вне сомнения играет важнейшую роль, однако, ее роль ничуть не меньше роли мелитократии, о которой И.П. Басалаева говорит в предыдущих пунктах. Но роль компрадоров и мелитократов проявляется по-разному в разные периоды фронтальной истории. Кроме этих двух социальных групп с таким же успехом можно назвать и некоторые другие группы. Р. Слоткин посвятил несколько своих исследований фронтальным типам [23; 24], поэтому не будем здесь подробно останавливаться на них.

Как нам кажется, очень важным моментом, характеризующим социальную картину фронта, является критерий высокой социальной мобильности, о которой говорит И. Басалаева в пункте 16. Здесь сложно не согласиться с автором, так как социально-экономические условия, формирующиеся на новых территориях создают множество прецедентов для формирования новой социальной реальности.

Как показывает проведенный анализ, при действительной важности указанных И. Басалаевой критериев, их вряд ли можно признать безоговорочными для характеристики фронтальных территорий. Мы понимаем, что автор ориентировалась в основном на сибирский опыт, однако, и сибирский материал не позволяет абсолютизировать данные критерии.

Вместе с тем, мы признаем, что автором проделана большая и важная работа, позволяющая в какой-то мере подойти к типологизации фронта, как особого явления. Подобную попытку можно только приветствовать и поддерживать. В своем анализе мы не стремились опровергнуть или подвергнуть сомнению данные критерии. Мы попытались лишь порассуждать о возможности использования данных критериев, приглашая к дискуссии и других исследователей.

Разрабатывая критерии фронта, мы, прежде всего, должны понять, какие критерии являются основополагающими: географические, культурные, политические, психологические, экономические, социальные и прочие, не забывая тот смысл, который вкладывали первые теоретики в понимание фронта, как особой исторической модели. Однако, здесь следует четко разграничивать онтологию и гносеологию фронта, т.е. понимание того, чем фронт является и как мы его видим. При этом необходимо учитывать и тот факт, что наше видение фронта может кардинальным образом отличаться от восприятия фронта участниками фронтных процессов. Вполне очевидно, что ряд онтологических характеристик может пересекаться с гносеологическими, однако, они ни в коем роде не могут быть равны им.

Типичный пример, относящийся к рефлексии фронта, – дихотомия цивилизации и дикости. Этот принцип является краеугольным для многих дефиниций фронта. Именно его положил в основу своего видения фронта и сам Тернер. Однако, что делать, например, с процессом колонизации испанцами Мексики? По множеству параметров этот процесс можно отнести к фронтному, но вряд ли здесь уместно говорить о дикости представителей ацтекской, майянской или инкской цивилизации. Культурные различия между завоевателями и покоренными народами были огромные, однако, это не позволяет внести их в список «диких» народов. Порой в своих поведенческих стереотипах завоеватели проявляли больше дикости, чем те народы, которых они пытались завоевать.

Вряд ли можно говорить и о наличии этой дихотомии в различных российских фронтах. С развитием постколониальной теории и теории малых групп (Subaltern studies) западная наука отказалась от подобного подхода, считая ее непродуктивной для понимания феномена фронта. Отказ от цивилизационного подхода позволил понять, что субъектами фронта являются не только европейцы. Это дало новый толчок для понимания культурного диалога на фронте. Но в нашей стране эта цивилизационная дихотомия не утратила своих позиций и, нередко является основополагающей для анализа фронтных процессов.

Вместе с тем, изменение научной рефлексии ни в коей мере не уничтожает альтернативный вариант этой дихотомии обжитые/необжитые земли. При этом эта дихотомия может проявляться в различных вариантах: пашня/целина; деревня/город; огороженная/неогороженная территория; дикое поле/пастбище и т.д.. Эти разные уровни окультуривания природы присутствуют практически во всех типах фронта и не требуют каких-то дополнительных характеристик.

Используя семиотический квадрат А.-Ж. Греймаса, мы можем получить различные модели этих взаимоотношений, учитывающих отношения оппозиции, контрадикции, импликации и иерархии. По мнению Греймаса, наши высказывания опираются «на дискурс, который является не только местом встречи означающего и означаемого, но и местом искажений значения, обусловленных противоречивыми требованиями свободы и принуждений, которые налагает общение, а также противоборством разнонаправленных действий сил инерции и истории» [2, с. 60]. Подходы Греймаса позволяют понять, почему на уровне фронтной рефлексии он часто может принимать самые противоречивые значения.

Так оппозиция культура/природа легко превращается на уровне природы в два варианта: природа как первозданное идеальное место (рай) и природа как хаос (ад). На уровне социума эта парадигма реализуется также в двух вариантах: утопия и дистопия. Мы уже писали про метафору рая в восприятии отдаленных земель [4, с. 9–11], поэтому не будем здесь подробно останавливаться на этом вопросе. Повторим лишь, что поиски сказочных стран Эльдорадо, Пайтити, Сиболы, Беловодья были обычным явлением для многих фронтных территорий. Американская историография знает не мало трудов, посвященных фронтной метафоре Эдема [7, 16, 20], но наиболее хорошо этот вопрос связи метафоры рая и кентукского фронта проанализирован американским историком А. Муром на примере ментальных характеристик жителя Кен-

тукки [17]. Не следует забывать, что в свою очередь открытие новых земель и фронтальная метафора рая оказывали в свою очередь обратное влияние на развитие европейских идей об утопии [6]. В XVII–XVIII в. Иезуиты даже попытались воплотить идею утопии в жизнь. Особенно успешно это удалось им в Парагвае, где они основали миссии на землях индейцев гуарани [8, 9]. Попытки создать утопическое общество в Новом Свете было предпринято еще раньше и в Мексике епископом Мичоакана Васко де Кирога (1470–1565) [12, 28].

Вряд ли нужно подробно останавливаться на метафоре хаоса и отсутствия законности на фронтальной территории. Фронтальные города и фронтальные порядки давно стали символом всякой антиутопии и не требуют развернутого толкования. Если вновь вернуться к критериям фронта, предложенным И.П. Басалаевой, то среди них мы найдем многие пункты, попадающие под определение антиутопии или дистопии. И вместе с тем, при всей прозрачности метафоры фронтальной дистопии, как нам кажется, именно утопичность фронтальных культурных ландшафтов должна быть поставлена на первое место. Фронт не только порождает утопическое видение мира, но и притягивает множество людей, стремящихся к созданию здесь нового общества или найти в отдаленных землях убежище для своих идей, отличающихся от мейнстримного общества. Именно на фронтальные территории устремляются всевозможные проповедники и сектанты, пытающиеся на новых землях воплотить свою мечту. Именно здесь их исключительность, а точнее выключенность из традиционной идеологии, может быть облечена в практику. Новые конфессии, новые гендерные отношения, новые формы социально-экономического сотрудничества, новая политика побуждают субъектов фронта к поиску «земли обетованной» для воплощения своих идеалов. Поистине, фронт – это территория пророков и проходивцев. Здесь рождаются новые религии, претерпевают изменения старые, находят убежище изгои.

Как нам кажется, нет нужды разбирать альтернативную религиозную историю Сибири, Приуралья, Поволжья, Кавказа и т.д. На этих территориях искали убежище старые секты и возникали новые. Идентичная ситуация была и в других фронтах. В США на юго-западном фронте штат Юта был основан членами секты мормонов. Они же сыграли большую роль в освоении Юго-Запада. В более раннюю эпоху многие колонии в Новой Англии также были основаны сектантами.

Мы уже приводили пример с фронтальным кейсом Ирана, разрушающим традиционный подход к фронтальной теории. В данном вопросе религиозный аспект является весьма иллюстративным. В XVI в. на севере Ирана возникает новый суфийский орден Сефевие, и в скором времени его основатель Исмаил Хатаи смог покорить не только иранский Афганистан, но и стал правителем всего Ирана, заложив основу династии Сефевидов (1501–1736) [19]. По удивительному стечению обстоятельств эта династия пала в результате действий другого фронтального персонажа Надиршаха (прав. 1688–1747), о котором мы уже писали выше.

Но фронтальная альтернативная религиозная история очень тесно переплетается с гендерной проблемой. Гендерная тема во фронтальных исследованиях – это не просто еще одно направление. И дело здесь не в гендерной диспропорции. Фронт создает совершенно новые гендерные отношения. Сексуальная трансгрессия является неотъемлемой частью гендерной истории фронта. Мы уже упоминали секту мормонов, обосновавшихся в XIX в. на Юго-западе США. Полигиния мормонов не требует дополнительных пояснений. Новые общины, основанные на сексуальной свободе возникали постоянно в США в XIX в., достаточно упомянуть общину Онеида, аналоги которой возникали по всей территории США. Сексуальный радикализм фронтального культурного ландшафта также подробно исследован [10, 14, 21, 27], поэтому мы не видим здесь необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Конечно, сексуальный радикализм следует рассматривать в самых различных вариантах: от практики свободной любви, до асексуальных отношений и полной рег-

ламентации брачных отношений молодых людей, практиковавшихся в некоторых фронтальных общинах.

Вообще для фронта характерна сексуальная трансгрессия, которая, как правило, является реакцией на встречу с Другим/Чужим. Но какова бы не была истинная причина особого сексуального поведения на фронте, в конечном итоге она приводит к проявлению большей свободы для женщин. Есть множество свидетельств того, что при равных условиях многие женщины на фронте оказывались более успешными и добивались больших успехов, по сравнению с мужчинами [18, с. 262; 22, с. 115]. Все это в конечном итоге привело к тому, что именно на фронте женщины смогли добиться расширения своих экономических и политических прав гораздо раньше, чем в других районах США [5, с. 97–99].

К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем подробно останавливаться на выявлении других специфических черт фронта, так как любые обобщения в конечном итоге приводят к упрощению. Именно поэтому американские ученые так и не рискнули построить сколь-нибудь развернутую систему фронтальных критериев. Вместе с тем, в настоящий момент появились новые термины, с помощью которых ученые пытаются выделить новые типы фронта. Так, американская исследовательница Патрисия Лимерик выделяет особый тип фронта, который она называет фронтера [15]. Под этим типом она понимает территорию по американско-мексиканской границе. И здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой соотношения границы и фронта. Институализация пограничной линии не уничтожает фронтальных процессов, характерных для этой территории. Поэтому, как нам кажется, такой подход можно признать продуктивным, а его использование для анализа культурных процессов, протекающих на китайско-российской границе, расширит методологические подходы к анализу данной проблемы.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы заметить, что в любом случае фронт является разновидностью гетеротопного пространства, где различные формы трансгрессии приводят к рождению новых культурных элементов. И именно этот факт делает фронт исключительным явлением в истории человечества.

Список литературы

1. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы / И. П. Басалаева // Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал. – 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Греймас А. Структурная семантика: Поиск метода / А. Греймас. – Москва : Академический проект, 2004.
3. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход / А. Рибер // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова. – Казань, 2004.
4. Якушенков С. Н. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Человек, сообщество, управление. – 2013. – № 2.
5. Якушенкова О. С. Женщина на американском фронте / О. С. Якушенкова. – Астрахань : Сорокин, 2013.
6. Cave A. A. Thomas More and the New World / A. A. Cave // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. – 1991. – Vol. 23, no. 2. – Pp. 209–229.
7. Contested Eden: California Before the Gold Rush / Ed. R. A. Gutiérrez, R. J. Orsi. – London : University of California Press, 1998.
8. Cro S. The American Foundations of the Hispanic Utopia, 1492–1793 / S. Cro. – Tallahassee, Fla. : DeSoto Press, 1994.
9. Cro S. The Noble Savage. Allegory of Freedom/ S. Cro. – Waterloo : Wilfrid Laurier University Press, 1990.
10. Foster L. Women, family and utopia: communal experiments of Shakers, the Oneida community and the Mormons / L. Foster. – Syracuse : Syracuse University Press, 1991.
11. Geertz K. The Interpretation of Cultures: Selected Essays / K. Geertz. – New York : Basic Books, 2006.
12. Gomez F. Good Places and Non-Places in Colonial Mexico: the Figure of Vasco De Quiroga (1470–1565) / F. Gomez. – Lanham : University Press of America, 2001.

13. Greenblatt S. Renaissance Self-fashioning. From More to Shakespeare / S. Greenblatt. – Chicago : University of Chicago Press, 1980.
14. Jensen J. Sexuality on a Northern Frontier: the Gendering and Disciplining of Rural Wisconsin Women, 1850–1920 / J. Jensen // *Agricultural History*. – 1999. – Vol. 73, no. 2.
15. Limerick P. N. The Adventures of the Frontier in the Twentieth Century / P. N. Limerick // *The Frontier in American Culture* / Ed. J. L. Grossman. – University of California Press, 1994.
16. Merchant C. Reinventing Eden: The Fate of Nature in Western Culture: The Fate of Nature in Western Culture / C. Merchant. – New York : Routledge, 2003.
17. Moore A. K. The Frontier Mind. A Cultural Analyses of the Kentucky Frontiersman / A. K. Moore. – Lexington : University of Kentucky Press, 1957.
18. Myres S. L. Westering Women and the Frontier Experience, 1800–1915: Histories of the American Frontier / S. L. Myres. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1986. – Pp. 262.
19. Newman A. Safavid Iran. Rebirth of a Persian Empire / A. Newman. – London : I. B. Tauris, 2006.
20. Owrarn D. Promise of Eden: The Canadian Expansionist Movement and the Idea of the West 1856–1900 / D. Owrarn. – Toronto : University of Toronto Press, 1992.
21. Passet J. E. Sex Radicals and the Quest for Women Equality / J. E. Passet. – Chicago : University of Illinois Press, 2003.
22. Peavy L. Pioneer Women: The Lives of Women on the Frontier / L. Peavy, U. Smith. – Norman, Oklahoma : University of Oklahoma Press, 1996.
23. Slotkin R. Regeneration through violence: the Mythology of the American Frontier: 1600–1860 / R. Slotkin. – Middletown : Wesleyan University Press, 1973.
24. Slotkin R. The Fatal Environment: the myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890 / R. Slotkin. – New York : Harper Perennial, 1985.
25. Slotkin R. Gunfighter nation: the myth of the frontier in twentieth-century America / R. Slotkin. – New York : Atheneum, 1992.
26. Smith N. H. Virgin land: The American West as Symbol and Myth / N. H. Smith. – Cambridge : Harvard University Press, 1950.
27. Spurlock J. C. Free Love: Marriage and Middle Class Radicalism in America, 1825–1860 / J. C. Spurlock. – New York : University of New York Press, 1988.
28. Verástique B. Michoacán and Eden: Vasco de Quiroga and the Evangelization of Western Mexico / B. Verástique. – Austin : University of Texas Press, 2000.

References

1. Basalaeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy [Frontier Critera: Framing the Problem]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya: elektromy nauchny zhurnal* [The Theory and Practice of Social Development. Electronic Scientific Journal], 2012, no. 2. Available at: <http://www.teoria-practica.ru>.
2. Greymas A. Strukturnaya semantika: Poisk metoda [Structural Semantic: An Attempt at a Method], Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2004.
3. Riber A. Menyayushchiesya kontseptsii i konstruksii frontira: sravnitelno-istoricheskij podkhod [Changing frontier concepts and constructions: historical comativism]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [The New Imperial History of Post-Soviet Space], Kazan, 2004.
4. Yakushenkov S. N., Yakushenkova O. S. Izobilie resursov kak odna iz chert frontimyk territoriy [The Abundance of Resources as one of the markers of the Frontier territory]. *Chelovek, soobshchestvo, upravlenie* [Person, Community Management], 2013, no. 2.
5. Yakushenkova O. S. *Zhenshchina na amerikanskom frontire* [Woman on the American Frontier], Astrakhan, Sorokin Publ., 2013.
6. Cave A. A. Thomas More and the New World. *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*, 1991, vol. 23, no. 2, pp. 209–229.
7. Gutiérrez R. A., Orsi R. J. (ed.) *Contested Eden: California Before the Gold Rush*, London, University of California Press Publ. House, 1998.
8. Cro S. *The American Foundations of the Hispanic Utopia, 1492–1793*, Tallahassee, Fla., DeSoto Press Publ. House, 1994.
9. Cro S. *The Noble Savage. Allegory of Freedom*, Waterloo, Wilfrid Laurier University Press Publ. House, 1990.
10. Foster L. *Women, family and utopia: communal experiments of Shakers, the Oneida community and the Mormons*, Syracuse, Syracuse University Press Publ. House, 1991.

11. Geertz K. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*, New York, Basic Books Publ., 2006.
12. Gomez F. *Good Places and Non-Places in Colonial Mexico: the Figure of Vasco De Quiroga (1470–1565)*, Lanham, University Press of America Publ. House, 2001.
13. Greenblatt S. *Renaissance Self-fashioning. From More to Shakespeare*, Chicago, University of Chicago Press Publ. House, 1980.
14. Jensen J. Sexuality on a Northern Frontier: the Gendering and Disciplining of Rural Wisconsin Women, 1850–1920. *Agricultural History*, 1999, vol. 73, no. 2.
15. Limerick P. N. The Adventures of the Frontier in the Twentieth Century. *The Frontier in American Culture*, London, University of California Press Publ. House, 1994.
16. Merchant C. *Reinventing Eden: The Fate of Nature in Western Culture: The Fate of Nature in Western Culture*, New York, Routledge Publ., 2003.
17. Moore A. K. *The Frontier Mind. A Cultural Analyses of the Kentucky Frontiersman*, Lexington, University of Kentucky Press Publ. House, 1957.
18. Myres S. L. *Westering Women and the Frontier Experience, 1800–1915: Histories of the American Frontier*, Albuquerque, University of New Mexico Press Publ. House, 1986.
19. Newman A. *Safavid Iran. Rebirth of a Persian Empire*, London, I. B. Tauris Publ., 2006.
20. Owsam D. *Promise of Eden: The Canadian Expansionist Movement and the Idea of the West 1856–1900*, Toronto, University of Toronto Press Publ. House, 1992.
21. Passet J. E. *Sex Radicals and the Quest for Women Equality*, Chicago, University of Illinois Press Publ. House, 2003.
22. Peavy L., Smith U. *Pioneer Women: The Lives of Women on the Frontier*, Norman, Oklahoma, University of Oklahoma Press Publ. House, 1996.
23. Slotkin R. *Regeneration through violence: the Mythology of the American Frontier: 1600–1860*, Middletown, Wesleyan University Press Publ. House, 1973.
24. Slotkin R. *The Fatal Environment: the myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890*, New York, Harper Perennial Publ., 1985.
25. Slotkin R. *Gunfighter nation: the myth of the frontier in twentieth-century America*, New York, Atheneum Publ., 1992.
26. Smith N. H. *Virgin land: The American West as Symbol and Myth*, Cambridge, Harvard University Press Publ. House, 1950.
27. Spurlock J. C. *Free Love: Marriage and Middle Class Radicalism in America, 1825–1860*, New York, University of New York Press Publ. House, 1988.
28. Verástique B. *Michoacán and Eden: Vasco de Quiroga and the Evangelization of Western Mexico*, Austin, University of Texas Press Publ. House, 2000.

ОБРАЗ КАЗАХА КАК ЧУЖОГО НА НИЖНЕВОЛЖСКОМ ФРОНТИРЕ¹

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Ермуханова Нагима Аблехатовна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: monadragona@mail.ru

Статья посвящена формированию образа казаха на Нижневолжском фронтире. Авторы статьи показывают трансформацию взглядов русского населения на казахов в течении XIX – начала XX вв. через призму понятий Чужой/Другой. Для анализа положения Чужого на фронтире авторами используются индикаторы, предложенные О.С. Якушковой: локус, темпоральность,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта».